

Не стану лукавить, пишу о книге близкого мне человека, покойного друга, почти ровесника. В 70–80-е годы мне довелось жить и работать во Владимире, а Владимир Коваленко жил в Александрове, на 101-м км от Москвы, районном центре Владимирской области. Будучи в ту пору весьма активным литературным, театральным и кинокритиком, я «вычислил» его среди трех участников коллективного поэтического сборника, который мне пришлось рецензировать на страницах областной газеты «Призыв». А потом мы сблизились и подружились. Сколько было между нами душевных бесед о стихах, о любимых поэтах, об удушающей атмосфере неусыпного идеологического контроля, под которым мы все тогда находились! Авторы того несурового сборника, помнится, я сравнил с пассажирами такси, едущими в разные стороны, а Владимир прочитал мне о нем свою горькую эпиграмму:

Когда эта книжка увидела свет,
Ее благосклонным вниманьем почтили.
Лишь автор вздыхал,
Что креста на ней нет!
Но крест и не нужен на братской могиле.

Так ему впервые пришлось столкнуться с издательским произволом. Озабоченные идеологической благопристойностью редактора отобрали, конечно, не самые лучшие стихи молодого поэта, да еще и причесали-отредактировали их на свой небезупречный вкус. Тем не менее исказить до неузнаваемости живой нестандартный голос дебютанта им не удалось. Слава богу, я это почувствовал...

Володя время от времени появлялся в областном центре, где у него было много друзей среди писателей, и особенно среди художников. Чаще всего мы встречались на квартире тоже теперь уже покойного владимирского художника Петра Дика. Среди моих тогдашних студентов, участников поэтического кружка при филологическом факультете пединститута, где, кстати, за два года до моего приезда учился Венчик Ерофеев, оказалось двое-трое александровских ребят, уважительно величавших своего земляка Владимиром Семеновичем. С его легкой руки мы наладили связи с музеем Пастернака в Переделкине, с домиком-музеем сестер Цветаевых, который он вместе с другими энтузиастами создавал в Александрове, а

после смерти Владимира Высоцкого ездили в Москву публично почитать память поэта, что в ту пору было небезопасно. Несколько раз и мне довелось быть гостем в его доме. Больше всего меня поражала разносторонность его интересов и увлечений. Образование он получил отнюдь не гуманитарное. Сначала учился в каком-то техническом вузе в Томске, совмещая учебу с токарной работой на заводе, потом служил в армии, приобщился к поэтическому творчеству, участвовал в конкурсах, публиковался в военных газетах, поступил на геологический факультет МГУ, с отличием окончил его и, получив редкую специальность кристаллографа, поехал по распределению с молодой женой и первенцем в Александров.

Перспективный научный сотрудник посвятил себя выращиванию искусственных кристаллов, образцы которых украшали его квартиру наряду с прекрасно подобранной библиотекой, на полках которой самое почетное место занимали книги Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. И это были не только типографские издания, но и притягательные образцы так называемого самиздата. Великое множество раритетов хозяин дома изготовил собственноручно с помощью неугомонной пишущей машинки «Эрика» (максимум пять листов папиросной бумаги в закладке) и нехитрого переплетного устройства. Щедро одаривал он ими и своих друзей. Несколько томиков Володиного производства свято хранятся и на моих стеллажах.

Большую часть наших с ним бесед составляли, конечно, стихи в устном, как водится у поэтов, исполнении. Я видел, как совершенствовалось его поэтическое мастерство, уговаривал собрать персональный томик стихов и отправить в какое-нибудь центральное издательство. Но полученный негативный опыт надолго отбил у него охоту на такие рискованные эксперименты. Поэтому он, доверяя времени, печатал себя сам. Со временем у него накопилось собрание собственных сочинений в нескольких томах, а когда партийная цензура приказала долго жить, он без суеты, не спеша опубликовал несколько стихотворных книг: «Россиянин» (1995), «Добрая память» (1995), «Свет вечерний» (2000), «Час души» (2002), «Страна любви» (2011) и прозы: «Человек осуществленный» (1995), «Люди мои добрые» (2006). Наконец, посмертно, в позапрошлом году вышла книга его рассказов «По-соседнему». О ней и пойдет речь.

Конечно, никакие это не рассказы, а, скорее, мемуарные очерки. Может быть, лишь только первый из них по структуре своей очень отдаленно напоминает рассказ. В нем, по крайней мере, можно вычленил характерные для новеллы элементы сюжетной композиции.

В начале повествования, как и положено, развернута пространная экспозиция — описание некоего Поселка «в знойном закоулке Средней Азии» с двумя десятками деревянных домиков, привезенных из России, но почему-то названных финскими. Хлопкоробов из русских переселенцев, понятное дело, не получилось, поэтому они, соорудив глинобитную конюшню и небольшой коровник, «стали растить лошадей для доблестной Красной кавалерии». Началась великая война, и «уже к осени 1941 года мужиков Поселка вместе с лошадьми отправили на фронт».

Далее — в завязке — мы узнаем, что многие дети Поселка, в том числе и главный герой Лодька, сиротели. Повезло лишь его дружку Шурке, отец которого Петр пять лет спустя «почти невредимым» вернулся домой. Выживший солдат собрал всех соседей и по доброту душевной подарил приятелям тридцатирублевую купюру на двоих с тем, чтобы они купили себе каких-нибудь лакомств. Этот жест можно считать кульминацией. Наивные дети «по-честному» аккуратно порвали бумажку пополам и отправились к местному инвалиду, развозящему и продающему немудреные товары для односельчан, с просьбой продать им конфеты-подушечки. Ветеран понял, в чем дело, и великодушно отпустил детям конфеты. Мальчик «по-честному» делится со всеми близкими, в том числе, конечно, и с матерью. Лодька последовательно становится «Володькой, Володей и даже Владимиром Батьковичем», навещает старенькую мать и в числе прочего угощает ее самыми дорогими конфетами, привезенными из столицы, — трюфелями.

В развязке приводится знаменательный диалог: «Что, мама, не шибко понравилась тебе московская конфета?» — «Да какая-то она горьковатая...» — махнула та рукой в ответ. «Ну, мама, это тебе показалось с непривычки к настоящему шоколаду», — примиряюще сказал Лодька. Покачала мать головой: «Нет, сынок! Самую сладкую твою конфетку съела я давным-давно...» И тихо заплакала, уткнувшись лицом в грудь окончательно выросшей своей опоры».

Прочитав рассказ, я вдруг вспомнил, что эту историю мне как-то поведал сам Володя, когда мы обменялись с ним своими детскими воспоминаниями. Я, в ответ ему, вспомнил, как в пермскую деревушку Усть-Кишертского района приехал на побывку с фронта мой отец и привез мешочек трофейного, как он сказал,

мемечего шоколада. Мне, которому тогда было на полгода больше, чем коваленковскому Лодьке, тот невиданный шоколад тоже показался горьким!

Вводный рассказ, давший символическое название всей книге, весьма и весьма показателен. Во-первых, как выяснилось, автор, несмотря на то что герой-повествователь первому лицу предпочел третье, для вящей, видимо, объективности, предельно точно рассказывает о той жизни, которую он знал лучше всего, о своей. Во-вторых, мемуарные очерки с веховыми названиями «Ранние радости», «Счастливое детство», «Пуще неволи», «Школьные годы чудесные...», «Первый блин», «Ветер странствий», «Священный долг», «Большой университет», «Лиха беда начало» и «Вхождение в Союз» он никак не беллетризировал, рассказал обо всем, что с ним было, с документальной точностью. Приведенный диалог матери и сына единственный. В-третьих, важнейшую структурную роль в общей композиции книги играют стихи, которыми щедро делится с читателем автор, повествующий о Лодьке — Володьке — Владимире и обстоятельствах его, а на самом деле своего жизненного пути. В этом смысле некоторые переключки здесь можно усмотреть с традициями, заложенными Данте в его юношеской книге «Новая жизнь», представлявшей собой совокупность сонетов, канцон и баллад, посвященных в основном его легендарной Музе Беатриче, в сопровождении пространных авторских пояснений к ним в прозе. Такую структуру принято называть элогиальной. На русской почве она была блистательно реализована в XVIII веке Антиохом Кантемиром в его замечательных «Сатирах» и в XX веке Владимиром Набоковым в «Бледном огне», в котором 999 стихотворных строк поэмы разбавлены пространнейшим прозаическим комментарием.

Последняя книга Владимира Коваленко являет собой очерк целой жизни ее создателя, истинного героя своего времени, вытерпевшего вместе со всем народом лютую войну, голодное сиротское детство, преодолевшего все выпавшие на его долю испытания и оставшегося при этом счастливым состоявшимся человеком. Подобно лермонтовскому Мцыри, ему пришлось, «вкушая, вкусить мало меду», да что там меду — жалких подушечек-карамелек, но сохранить возвышающее душу достоинство творца, познавшего несравненную радость творчества как в науке, так и в искусстве. Финальным аккордом этого на самом деле героического, хотя внешним образом и незатейливого жития могли бы послужить два стихотворения из заключительного очерка. Первое — о том, как мужали и закаляли характер познавшие горечь безотцовщины военные пацаны:

Безотцовщины горькая ноша
И голодный отчаянный страх
Приучили вихрастых гаврошей
Под мотив «Позабыт-позаброшен...»
Верховодить в убогих дворах.
Это было в суровые годы.
После гибельной черной войны
Дули ветры звериной свободы,
Чтоб на чахленькие огороды
Налетали оравы шпаны.

Тарахтел за окошками «Виллис»,
Голосили над вдовьей судьбой,
В безысходности матери бились,
Чтоб мы выжили, приноровились
И остались самими собой.

С той поры не ишу я уверток,
На прямой отвечая вопрос.
Потому и остался упертым,
Потому я не бросил все к черту
И везу неподъемный свой воз.

А в России от моря до моря,
Знай гремит оркестровая медь,
Уверенью казенному вторя,
Говорит, что не видел я горя, —
Хорошо бы
Не видеть и впредь.

Эти строчки надо было прежде выстрадать, пережить, а уж потом написать.

Второе стихотворение — о распрямляющей силе поэзии, о неизменности слова, с помощью которого,

как учил Гумилев, человек общается с другими людьми, самим собой или Богом:

<...>

Взываю к славе и добру
С прямолинейностью солдата.
Как было сказано когда-то,
На том стою и с тем умру.

А время требует обнов,
Желая выглядеть красивым.
Но выделяю я курсивом,
Что нет на свете новых слов.

Все повторяются, увы...
Еще до подвига Христова
Подарком неба было слово,
Лишь термины из головы.

Перебирает их молва,
А в доверительных беседах
О наших радостях и бедах
Расскажут вечные слова.

<...>

Перед нами пронеслась целая жизнь со всеми ее невзгодами и радостями, разочарованиями и восторгами, бытовой прозой и высокой поэзией. Все это отразилось в предыдущих и последней книгах Владимира Коваленко. Достойная, одухотворенная жизнь не проходит бесследно. Она остается не только в выстроенном доме, посаженных деревьях и взлелеянных сыновьях, но и в стихах, благодарной людской памяти и в синтезированных кристаллах научной мысли.

Олег Федотов,

доктор филологических наук

